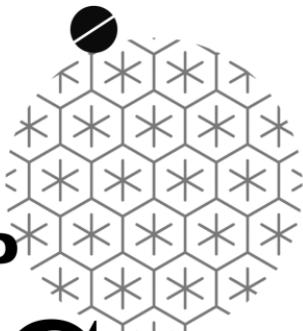
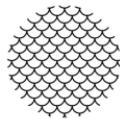

•

УОЛТЕР
ТЕВИС

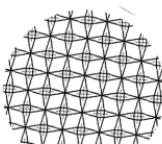
•

УОЛТЕР
ТЕВИС
ход королевы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т29

Walter Tevis
THE QUEEN'S GAMBIT

Серия «КИНО!!»

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств Susan Schulman Literary Agency
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Перевод с английского языка Ольги Павловской

Оформление обложки Екатерины Петровой

Тевис, Уолтер.

Т29 Ход королевы / Уолтер Тевис ; [перевод с английского О. Павловской]. — Москва : Издательство ACT, 2024. — 352 с. — (КИНО!!).

ISBN 978-5-17-134612-6

Бет Хармон — тихая, угрюмая и на первый взгляд ничем не примечательная восьмилетняя девочка, которую отправляют в приют после гибели матери. Она лишена любви и эмоциональной поддержки. Ее круг общения — еще одна сирота и сторож, он учит Бет играть в шахматы, которые постепенно становятся для нее смыслом жизни. По мере взросления юный гений начинает злоупотреблять транквилизаторами и алкоголем, сбегая тем самым от реальности. Лишь во время игры в шахматы ее мысли проясняются и она может возвращать себе контроль. Уже в шестнадцать лет Бет становится участником Открытого чемпионата США по шахматам. Но параллельно ее стремлению отточить свои навыки на профессиональном уровне ставки возрастают, ее изоляция обретает пугающий масштаб, а желание сбежать от реальности становится соблазнительнее. И наступает момент, когда ей предстоит сразиться с лучшим игроком мира. Сможет ли она победить или станет жертвой своих пристрастий, как это уже случалось в прошлом?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Walter Tevis, 1983, 2014

© Павловская О., перевод на русский
язык, 2019

© Netflix, 2020. Used with permission

© ООО «Издательство ACT», 2024

ISBN 978-5-17-134612-6

Элеоноре

Предисловие автора

Великолепные партии гроссмейстеров Роберта Фишера, Бориса Спасского и Анатолия Карпова много лет внушают восхищение шахматистам, таким, как я. Однако учитывая, что «Ход королевы» — произведение художественное, разумнее будет не упоминать эти имена в числе действующих лиц, чтобы избежать противоречий с реальными биографиями.

Я хотел бы выразить признательность Джо Энкрайлу, Фэрфилду Хобану и Стюарту Мордену — троим блистательным шахматистам, снабжавшим меня книгами, журналами и знаниями о правилах проведения турниров. Мне также повезло с душевной и деятельной поддержкой со стороны национального мастера по шахматам Брюса Пандольфини — он вычитывал текст и помогал мне избавляться от ошибок в описаниях игры, в которой сам демонстрирует столь завидные результаты.

Глава 1

О смерти матери Бет узнала от женщины с блокнотом. А на следующий день в «Геральд-лидер» появилась фотография: девочка в простом холщовом платье стоит на крыльце серого дома по Мейплвуд-драйв. Уже тогда она выглядела совсем заурядно. В заметке под фотографией говорилось: «Осиротевшая из-за вчерашней крупной аварии на Нью-Сёркл-роуд^{*} Элизабет Хармон с тревогой смотрит в будущее. Восьмилетняя Элизабет лишилась семьи из-за дорожного происшествия, в результате которого два человека погибли и несколько получили травмы. Сама девочка в тот момент находилась дома и услышала о трагедии незадолго до того, как был сделан снимок. Власти обещают о ней позаботиться».

*

В «Метуэн-Хоум», сиротском приюте городка Маунт-Стерлинг штата Кентукки, Бет стала дважды в день получать транквилизатор. Его выдавали всем детям «для усмирения нравов». Нрав Бет в усмирении не нуждался, насколько могли заметить окружающие, но таблетку она каждый раз брала охотно: от этой крошечной пилюльки где-то в самой глубине живота отпускало напряжение, и можно было проводить тягомотное время в состоянии полудремы.

^{*} *Нью-Сёркл-роуд* — национальная трасса в американском штате Кентукки. — Здесь и далее примеч. пер.

Мистер Фергюссен раздавал таблетки в маленьких бумажных стаканчиках. Помимо зеленой, той, что для «усмирения», там лежали еще оранжевая и коричневая — для укрепления организма. Чтобы получить свою порцию, дети должны были выстраиваться в очередь.

Самой высокой в очереди была чернокожая Джолин; ей уже исполнилось двенадцать. На второй день в приюте Бет оказалась в витаминной веренице прямо за ней, тогда Джолин вдруг обернулась и хмуро взглянула сверху вниз:

— А ты настоящая сирота или так, ублюдочная?

Бет не знала, что ответить. Ей сделалось страшно. Они стояли в самом хвосте очереди, и нужно было ждать, пока им не позволят подойти к окошку в двери аптеки, за которым расположился мистер Фергюссен. Бет слышала, как мать называла «ублюдочной тварью» отца, но понятия не имела, что это означает.

— Тебя как зовут, девочка? — спросила Джолин.

— Бет.

— Твоя мама умерла? А с папой что?

Бет молча смотрела на нее. Слова «мама» и «умерла» звучали невыносимо. Ей хотелось убежать, но бежать было некуда.

— Твои родаки умерли? — В голосе Джолин даже прокользнуло сочувствие. — Да?

Но Бет так и не нашла что сказать или сделать. Просто стояла в очереди, перепуганная, и ждала таблетку.

*

— Вы все ужратые херососы! — заорал Ральф на мальчишечьем дворе.

Бет его услышала, потому что сидела в библиотеке, а окно там как раз выходило на мальчишечий двор. Никаких образов, связанных со словом «херососы», у нее в голове не возникло. Слово было странное, но звучало так, что не оставалось сомнений: воспитатели за это вымоят Ральфу рот с мылом. С Бет уже такое проделывали за слово «гадство», хотя мать повторяла его постоянно.

* *

Парикмахер велел ей сидеть в кресле ровно и не шевелиться. «Если шевельнешься, — сказал он, — можешь остаться без уха». При этом в его голосе не было и намека на шутку. Бет изо всех сил старалась сидеть ровно, но совсем не шевелиться никак не получалось. Парикмахеру понадобилось очень много времени, чтобы соорудить ей прическу с длинной прямой челкой, как у остальных детей в приюте. Бет пыталась занять себя мыслями о слове «херососы», но в голову лезли только всякие «псы-барбосы», а она догадывалась, что собаки тут ни при чем.

* *

Уборщик был толстый и с одной стороны казался толще, чем с другой. Звали его Шейбел. Мистер Шейбел. Однажды Бет наткнулась на него в подвале, куда ее отправили почистить губку для классной доски. Уборщик сидел на железной табуретке возле угольной печи и хмуро таращился на разложенную перед ним доску для игры в шашки с зелеными и белыми клетками. Только вместо шашек на ней были пластмассовые фигурки затейливой формы. Одни — покрупнее, другие — помельче; маленьких было больше других. Уборщик поднял взгляд на Бет. Она ушла, ничего не сказав.

По пятницам всем приходилось есть рыбу — и католикам, и прочим*. Квадратные куски, обвалианные в сухарях, были покрыты темно-коричневой сухой коркой и политы тонким слоем апельсинового соуса, похожего на французскую заправку для салатов, что продавалась в бутылках. Соус был сладкий и мерзкий, а рыба под ним — и того хуже. От ее вкуса Бет тошнило и однажды чуть не вырвало, но съесть нужно было все до последнего кусочка — иначе о тебе доложат миссис Дирдорфф, директрисе, и прощай приемная семья.

Некоторые дети почти сразу отправлялись в приемные семьи. Шестилетняя девочка по имени Элис попала в при-

* Пятница — рыбный день у католиков.

ют на месяц позже Бет, а через три недели ее уже удочерили какие-то симпатичные люди с акцентом. Они прогуливались по двору в тот день, когда приехали за Элис, и Бет захотелось их обнять, потому что незнакомцы показались ей счастливыми, но она отвернулась, едва они взглянули в ее сторону. Другие дети прожили в приюте очень долго и знали, что никто их отсюда не заберет. Они говорили о себе, что им «дали пожизненное». Бет задавалась вопросом, какой срок отмерен ей.

*

Физкультура была в тягость, и ужаснее всего — волейбол. Бет никак не удавалось правильно отбить мяч — она либо яростно шлепала по нему ладонью, либо тыкала с размаху негнущимися пальцами. Как-то раз она так сильно ушибла один палец, что потом он распух. Все девочки смеялись и радостно кричали во время игры, но Бет никогда не присоединялась к веселью.

Самой лучшей волейболисткой по праву считалась Джолин, и не только из-за того, что была старше и выше остальных, — она всегда точно знала, что делать, а если мяч пролетал высоко над сеткой, шагала вперед — ей даже не надо было орать, чтобы все расступились, освободив дорогу, — подпрыгивала и вколачивала его на половину противника широким гибким движением руки. Та команда, за которую играла Джолин, неизменно побеждала.

Через неделю после того, как Бет ушибла палец, Джолин заступила ей путь, едва урок физкультуры закончился и все побежали в душевые.

— Дай-ка я тебе кое-что покажу, — сказала Джолин. Она подняла руки, растопырив и слегка согнув длинные пальцы. — Вот так надо. — Распрямила локти, плавно качнув предплечьями, как будто принимала воображаемый мяч в чашу из ладоней, и предложила: — Попробуй ты.

Бет попробовала — сначала с опаской. Джолин, засмеявшись, показала снова. Бет повторила за ней несколько раз — теперь уже получалось лучше. Тогда Джолин взяла

мяч и кинула его Бет, чтобы та отбила пальцами. Через несколько попыток оказалось, что отбить мяч легко.

— А теперь сама потренируйся, — велела Джолин и побежала к душевым.

Бет тренировалась всю следующую неделю, и в конце концов волейбол перестал быть для нее проблемой. Хорошой волейболисткой она не сделалась, но по крайней мере эта игра ее больше не пугала.

*:

По вторникам мисс Грэм отправляла Бет в подвал чистить губку для доски после арифметики. Это считалось почетным поручением, а Бет была лучшей ученицей в классе, хоть и самой младшей. В подвале ей не нравилось — там воняло плесенью, к тому же она боялась мистера Шейбела, но ее заинтересовала игра, которую он вел сам с собой на доске для шашек, и хотелось разузнать об этом побольше.

Однажды Бет пришла в подвал, встала рядом с уборщиком и принялась ждать, когда он сделает ход. Уборщик протянул руку к фигурке, представлявшей собой лошадиную голову на маленьком пьедестале, а в следующую секунду зыркнул на Бет и сердито нахмурился:

— Чего тебе, девочка?

Обычно Бет избегала любого общения с людьми, особенно со взрослыми, но сейчас отступать не собиралась.

— Как называется эта игра? — спросила она.

Мистер Шейбел пристально уставился на нее:

— Ты должна быть наверху с остальными детьми.

Она спокойно выдержала его взгляд. Что-то в этом человеке и в самоотдаче, с которой он продолжал таинственную игру, заставило ее стоять на своем и добиться ответа.

— Не хочу быть с остальными, — сказала Бет. — Хочу знать, во что вы играете.

Взгляд уборщика сделался еще пристальнее. А потом он пожал плечами:

— Это называется «шахматы».

*

Голая лампочка болталась на черном проводе между мистером Шейбелом и угольной печью. Бет старалась стоять так, чтобы тень от ее головы не падала на игральную доску. Было воскресное утро. Когда детей собрали в часовне на хор и духовные беседы, Бет подняла руку и попросила разрешения выйти в туалет. Вместо этого она спустилась сюда, в подвал, и уже минут десять наблюдала, как уборщик играет в шахматы. Они не обменялись ни словом, но мистер Шейбел, похоже, смирился с ее присутствием.

Порой он по несколько минут неподвижно разглядывал фигуры, смотрел на них с ненавистью, затем наклонялся вперед, насколько позволяло огромное брюхо, протягивал ладонь, брал одну фигурку кончиками пальцев за макушку, на мгновение замирал, будто обнаружив, что держит за хвост дохлую мышь, и ставил ее на другой квадрат. На Бет он не обращал внимания.

Черная тень от головы девочки лежала у ее ног на бетонном полу, а девочка стояла, смотрела на доску, не отрывая глаз, и ловила каждое движение игрока.

*

Она придумала прятать транквилизатор, чтобы сберечь его до вечера. Таблетки помогали ей заснуть. Получив от мистера Фергюссена продолговатую пилюлю, Бет клала ее в рот, затачивала под язык, делала глоток апельсинового сока из жестяной банки, которую выдавали вместе с витаминами, а когда мистер Фергюссен обращал взор на другого ребенка, доставала пилюлю изо рта и незаметно перекладывала ее в карман «матроски». Оболочка у пилюли была твердая и не успевала раствориться за то время, что находилась под языком.

В первые два месяца Бет спала мало. Она очень старалась заснуть — лежала неподвижно, крепко зажмутившись, но было слышно, как девочки на соседних кроватях кашляют, ворочаются и бормочут во сне и как ночной дежурный ходит по коридору, а его тень, падавшую на кровать, Бет

видела даже с закрытыми глазами. Где-то вдалеке вдруг начинал звонить телефон или кто-то спускал воду в туалете, но хуже всего были голоса — дежурный болтал с няней у стола в конце коридора, и пусть они говорили тихо, а беседа казалась веселой и приятной, Бет все равно начинала нервничать: дремы как не бывало, в животе все сжималось, во рту появлялся привкус уксуса, и становилось ясно, что о сне этой ночью можно забыть.

Теперь же она уютно сворачивалась калачиком в кровати и позволяла нервной дрожи, зарождавшейся в животе, овладеть всем телом, потому что знала — это скоро пройдет. Прислушиваясь к себе в темноте, ждала, когда напряжение внутри достигнет пика, затем глотала две пилюли и вытягивалась на спине, чувствуя, как наступает облегчение, прокатываясь по телу, словно волны теплого моря.

*

— Вы меня научите?

Мистер Шейбел не ответил на вопрос, даже не кивнул и не помотал головой в знак того, что услышал. Вдалеке, на верху, пели хором «Мы понесем снопы свои»*.

Бет прождала несколько минут. Ее голос дрогнул и чуть не сломался под напором слов, но она все-таки вытолкнула их наружу:

— Я хочу научиться играть в шахматы.

Мистер Шейбел протянул жирную ладонь к черной фигуре — одной из тех, что побольше, — ловко схватил ее за макушку и переставил на другую сторону доски. Отпустил фигуру и скрестил руки на груди. На Бет он по-прежнему не смотрел.

— Я с чужими не играю.

Это прозвучало бесстрастно, но Бет показалось, будто ей влепили пощечину. Она развернулась и пошла прочь, вверх, ступенька за ступенькой, чувствуя горький привкус во рту.

* Американский протестантский госпел на слова поэта и композитора Ноулза Шоу (1834–1878).

— Я не чужая, — сказала она уборщику два дня спустя. — Я здесь живу.

У нее над головой вокруг голой лампочки летал мотылек, и его бледная тень проносилась по шахматной доске с равномерными интервалами.

— Научите меня. Я уже кое-что умею — поняла, пока смотрела.

— Девочки не играют в шахматы, — все тем же беспристрастным тоном произнес мистер Шейбел.

Бет ожесточенно шагнула вперед и указала пальцем на цилиндрическую фигуру, которой уже успела придумать в своем воображении название «пушка», но коснуться ее себе не позволила:

— Вот эта ходит вперед и назад, вправо и влево. На любое количество квадратов, если они не заняты.

Мистер Шейбел некоторое время молчал, потом указал на фигуру с головкой, похожей на половинку лимона:

— А эта?

У Бет ёкнуло сердце.

— По диагонали.

*

Таблетки можно было накопить, если на ночь проглотить всего одну, а вторую спрятать. Бет складывала их в футляр для зубной щетки, куда никому не пришло бы в голову заглянуть. Только надо было следить, чтобы щетка была сухой, и Бет тщательно вытирала ее каждый раз бумажным полотенцем или вовсе ею не пользовалась, а зубы чистила пальцем.

Той ночью она впервые съела сразу три таблетки, одну за другой. И открыла для себя нечто важное. По волосам на затылке словно проскочили искры — она ощутила легкое покалывание; сверкающие искры постепенно разбежались по всему телу, и Бет, лежа в приютской бледно-голубой пижаме на кровати в самом незавидном углу девчачьей спальни — возле двери в коридор и напротив уборной, — поняла, что в ее жизни случился перелом: теперь она знала о